

По состоянию на 10:00 утра строка поиска «употребление наркотиков Хуан Цяньши» занимала первое место в списке горячих запросов в режиме реального времени уже восемь часов подряд.

По мере того, как государственные СМИ передавали подобные новости, осуждение Хуан Цяньши не прекращалось: огромная волна резонанса захлестнула всё, что имело к нему отношение. Огромный рекламный плакат Хуан Цяньши, рекламирующий дизайнерские часы, за одну ночь сняли с высокого коммерческого здания на Третьем транспортном кольце Пекина. Десятки компаний поспешили первыми прекратить сотрудничество с Хуан Цяньши, объявив о расторжении контрактов с ним. Даже популярное эстрадное шоу, которое должно было показать Хуан Цяньши в ближайшем эпизоде, рано утром объявило, что эпизод отложен из-за особых обстоятельств.

Все партнёры, имевшие малейшее отношение к Хуан Цяньши, торопились сделать заявления, пытаясь максимально сократить свои потери. Одновременно с аккаунтом Weibo Хуан Цяньши, в осаде общественного мнения находился официальный блог фильма «Роковой выбор», в котором он играл одну из ролей. Только вчера в 20:00 вышел второй трейлер, он всё ещё был в горячем поиске с сопроводительным текстом: «Приглашаем вас стать свидетелями рокового выбора».

Комментарий, который набрал наибольшее количество лайков, гласил: «Нет, нет, [пока]», а ниже следовал аккуратный и упорядоченный ряд эмодзи с зажжёнными свечами, что добавляло к этому долю сарказма.

Luomeng Media, неудачливая кинокомпания, которую более десяти миллионов пользователей сети назвали невезучей за то, что она была крупнейшим инвестором фильма, не решалась на заявления, ожидая свежих указаний от высшего руководства.

— Он здесь, он здесь, — девушка на ресепшене цепким взглядом ухватила фигуру, мелькнувшую за дверями компании и поспешно толкнула локтем сидящую рядом девушку. Та тут же отбросила телефон — она пролистывала горячие дискуссии на Weibo.

Входные двери медленно открылись, два вышколенных секретаря встали и поприветствовали:

— Президент Цао.

Мужчина, переступивший порог приёмной, ответил на приветствие отрывистым «хм». Ему было 25-26 лет, его волосы были слегка растрёпаны от ветра. Он был одет в мешковатую тёмно-синюю толстовку с капюшоном и чёрные рваные джинсы. Его шаги были полны силы молодости, которой ещё предстоит остепениться. В его образе не было ни малейшего намёка на статус президента.

— Цэн Жань уже здесь? — Цао Е подошёл к стойке администратора и провёл пальцем по экрану планшета на столе. Он просмотрел список посетителей, которые зарегистрировались за утро.

— Пришел полчаса назад, — сказала одна из девушек, — он ждёт вас в конференц-зале.

— Хорошо. Что насчёт Сюй Аньцяо?

— Он тоже там, пришёл в 7 утра...

— Отлично, они вовремя.

Цао Е развернулся, чтобы уйти, а девушки посмотрели друг на друга. Они не успели и глазом моргнуть, как услышали хлопок, от которого вздрогнули. Цао Е обернулся, и его ладонь тяжело опустилась на большой мраморный стол.

— Эй, что случилось? — он был выше них на целую голову, его ладонь лежала на столе. Он слегка наклонился, чтобы заглянуть в лицо каждой. — Вы в таком трауре, я даже подумал, что наша компания вот-вот обанкротится, когда только пришёл. Не унывайте, а?

Две девушки оцепенели и нерешительно кивнули головами. Цао Е еще не закончил, он пристально посмотрел на них и сказал:

— Ну-ка, улыбнитесь мне.

Обе подняли головы. Выражение лица Цао Е было наполовину шутливым, наполовину серьёзным, и они не могли понять, в каком именно настроении их молодой босс. Одна из них дёрнула уголками рта, едва сумев изобразить на лице улыбку.

— Теперь ты, — Цао Е поднял подбородок и указал на вторую девушку, показывая ей, что она тоже должна это сделать. Та поспешно улыбнулась.

Только после этого Цао Е удовлетворенно покинул помещение, бросив на ходу:

— Вот так уже лучше.

Чэн Дуань, директор маркетингового отдела Luomeng Media, сидел на краю стола в своём кабинете. Он читал только что присланный ему отчёт о текущем состоянии общественного мнения, его лицо было полно тревогой. Он собрался поднять глаза и вздохнуть, но увидел появляющийся силуэт Цао Е, быстро подбежал к нему и сказал:

— Наконец-то ты здесь! И ты действительно спокоен!

— Разве ещё не вышел отчет полиции? — Цао Е не останавливаясь, пошёл прямо в конференц-зал. — Как дела? Вы уже объявили, что мы переснимаем фильм с новым составом?

— Собираемся. Вчера вечером я попросил кое-кого написать об этом. Мы просто ждём официального объявления, чтобы опубликовать его. А ещё, не хочешь взглянуть на это? Это отчёт о состоянии общественного мнения, только что опубликованный, — сказал Чэн Дуань, протягивая телефон Цао Е.

Цао Е отмахнулся от него, его голос прозвучал лениво.

— Лень читать. Просто расскажи мне.

— На самом деле всё не так уж плохо. Люди не только говорят, что мы были слепы, но и утверждают, что это хорошая идея — переснять фильм с новым актёром. Многие гадают, какого актёра мы пригласим на замену... Ах да, ещё какой-то придурок слил наше соглашение на миллиард юаней, поэтому куча людей зажгла за нас свечи.

Услышав это, лицо Цао Е слегка перекосилось, а брови сошлись вместе.

— Кто проболтался?

— Ищем источник утечки. Пока никаких новостей.

Проработав с Цао Е два года, Чэн Дуань уже чётко представлял себе, что к чему. Вдвоём они добрались до конференц-зала. За его стеклянными дверями царила тяжёлая, неуютная атмосфера. Не прошло и часа, а в пепельнице на столе, полной пепла, уже лежало несколько окурков. Двое мужчин, сидевших в зале, были встревожены и немедленно поднялись со своих мест, увидев вошедшего Цао Е.

— Ты тоже проходи и присоединяйся к обсуждению, — сказал Цао Е Чэн Дуаню, распахивая дверь в конференц-зал. Не успел он ступить в комнату, как к нему подбежал Сюй Аньцяо, схватил его за руку и начал каяться:

— Президент Цао, это всё моя вина, это я виноват в том, что рекомендовал Хуан Цяньши на эту роль. Я просто думал, что Хуан Цяньши — достойный актёр, да и зрителям он нравился! Кто бы мог подумать, что после окончания съёмок фильма произойдёт нечто подобное...

У Цао Е уже голова болела от его болтовни, но он терпеливо стоял у входа и слушал, как Сюй Аньцяо изливает душу. Когда тот наконец закончил, он со слабой улыбкой неторопливо спросил:

— Значит ли это, что продюсер Сюй собирается загладить свою вину и поможет мне выплатить оставшуюся часть моего соглашения на миллиард юаней?

Сюй Аньцяо мгновенно замолчал и посмотрел на Цао Е. На лице Цао Е не было видно ни капли злости, а уголки его глаз чуть кокетливо приподнимала улыбка.

Сюй Аньцяо ехидно ответил:

— Не шути так, каким ещё образом я могу загладить свою вину перед тобой...

Цао Е усмехнулся, но голос его был резок.

— Тогда нет смысла говорить об этом, — он выдернул руку из руки Сюй Аньцяо, подошёл к круглому столу для совещаний, развернул стул и сел. — Всё в порядке. Если у тебя есть способность видеть будущее, зачем тебе быть продюсером? Тебе следует отправиться на гору Утайшань [1], чтобы стать великим бессмертным и предсказывать людям судьбу.

[1] Гора Утайшань (кит.упр.五台, пиньинь Wútái Shān, буквально: «Гора пяти высот») является одной из четырёх священных гор китайского буддизма. Расположена в городском округе Синьчжоу провинции Шаньси, примерно в 250 км к юго-западу от Пекина.

Договорив, он поднял голову и увидел, что Цэн Жань смущенно смотрит на него, не решаясь заговорить. Цао Е указал на него и предупредил:

— Жалобы не принимаются.

Цэн Жань был режиссёром фильма «Роковой выбор». Он начинал с андеграундного кино, несколько лет назад снял культовый фильм и прославился. В узком кругу андеграунда поклонники называли его Квентином Тарантино нового поколения. Его фигура вызывала горячие споры, но в жизни он был тихим и угрюмым человеком — вся его страсть и энергия,

казалось, выливались в его фильмы. Сейчас он медленно ответил:

— Но все три предложения, которые продюсер Сюй разослал сегодня утром, уже отклонены...

Цао Е вчера всю ночь мучился похмельем, утром его разбудил телефонный звонок Чэн Дуаня. Его мозг будто застыл, тело было тяжёлым, неповоротливым. Откинувшись в кресле, он подвинул к себе портсигар, стоявший на столе. Не спрашивая, чей он, достал сигарету, сунул в рот, поднял глаза и посмотрел на Цэн Жаня, когда услышал его слова и невнятно спросил:

— Ну? С кем у тебя назначена встреча?

Сюй Аньцяо взял свою зажигалку и подошёл, чтобы помочь Цао Е прикурить сигарету.

— Я кого только не спросил. Ответили трое, да и те отказали.

Цао Е глубоко затянулся дымом и улыбнулся, выпуская клубы дыма:

— Всё в порядке. Я думал, что ты посвятил утро гневу и печали [2], не ожидал, что предложения об участии в фильме уже разосланы. Скажи, кто эти трое, что ответили отказом?

[2] 苦大仇深 (kǔdàchóushēn) горе великое и ненависть глубокая (обр. в знач.: натерпевшись страданий в старом обществе, питать к нему лютую ненависть).

— Начнем с обнадеживающего, — Сюй Айцяо пододвинул вращающийся стул и сел рядом с Цао Е, отчитываясь о проделанной утром работе, — Чжао Цянь заинтересован в фильме, но его агент сказал, что у него подписан контракт на телесериал, съёмки которого начнутся на следующей неделе и продлятся полгода. Режиссер Цэн рассчитывал выдвинуть этот фильм на награды. Если будем дожидаться Чжао Цяня, участвовать в конкурсах сможем только в следующем году. Тогда наша стратегия — сначала получить награды, а потом выпустить фильм в прокат — может быть нарушена.

— Не ждите его, — прямо сказал Цао Е. — Он не подходит для этой роли.

— О, мой дорогой предок, — Сюй Аньцяо мог догадаться, о чём думает Цао Е, просто взглянув на его решительный настрой. Он уговаривал его, как маленького ребёнка. — Тебе нужно снизить свои ожидания. Несмотря на то, что Чжао Цянь в основном снимается в телевизионных драмах, он довольно известен широкой публике. Даже получил премию «Император кино». С такой квалификацией он один из лучших кандидатов.

С полным отсутствием интереса Цао Е спросил:

— Кто ещё?

— Янь Цзя. Он должен подойти, верно? Как и Хуан Цяньши, он гонконгская звезда и тоже был номинирован в прошлом году на премию «Император кино». Его возраст тоже нам подходит... Но его агент очень решительно отверг нас. С ним никаких шансов.

— Как он мог вас отвергнуть?

— Они выразили это благозвучно, но общий смысл был в том, что у Янь Цзя в настоящее время множество предложений о съёмках, поэтому ему нет нужды подбирать эти объёдки...

Цао Е презрительно усмехнулся.

— Его агент не говорил так, когда они боролись за попадание в ЕХО.

— Я знаю, всё верно, — беспомощно согласился Сюй Аньцяо.

— А последний? Разве ты не говорил, что отправил три предложения? Ты начал с того, на кого было больше надежд, — теперь расскажи о том, на кого минимум надежды.

— Мы предложили роль этому актёру просто чтобы попытаться удачи. Как и ожидалось, нам тоже отказали, — сказал Сюй Аньцяо. — Лян Сычжэ.

— А? Лян Сычжэ? — Цао Е рассмеялся, как только услышал это. — Вы действительно были столь самонадеянны, — он сделал паузу, слегка приподняв бровь. — Нет ничего странного в том, что он отверг вас. Он должен был сказать примерно то же, что и Янь Цзя.

— Его агент Сюй Юньчу отвергла нас, — добавил Сюй Аньцяо.

Цао Е не счёл это достойным упоминания.

— В чём разница?

— Разница большая, — Сюй Аньцяо придвинул свой стул немного ближе к Цао Е. — Все в отрасли знают, что, хотя Сюй Юньчу и является агентом Лян Сычжэ, она не принимает решения за него. Я подумал: что, если мы обойдём Сюй Юньчу и отправим сценарий напрямую Лян Сычжэ? Я слышал, что для него важен сценарий и роль при выборе фильма. Наш персонаж в фильме довольно редкий для внутреннего рынка. Вдруг он заинтересуется? Я не близок с Лян Сычжэ, он и не глянет на сценарий если я его ему отправлю. Что если ты...

Цао Е не дослушал и покачал головой, стряхивая пепел. Затем посмотрел на Сюй Аньцяо:

— Давай я задам тебе вопрос. Если даже Янь Цзя спрашивает, почему он должен подбирать объёдки, то почему Лян Сычжэ должен сняться в роли второго плана — в пересъёмках, когда у него столько наград «Император кино»?

— Ты не можешь знать наверняка, что он откажется, он в долгу перед твоим отцом... Если бы

ты общался с ним напрямую, думаю, он, прежде чем дать тебе в морду, взглянул бы на сценарий, верно? И тогда, возможно...

— О, так вы хотели использовать моего отца? — сухо ответил Цао Е. — Забудь об этом.

Сюй Аньцяо хотел сказать что-то ещё, но увидел взгляд Чэн Дуаня, сидевшего напротив него. Когда он снова посмотрел на Цао Е, то заметил, что его обычная аура безопасности и праздности словно потускнела. Он понял, что мог сказать что-то не то, и благоразумно замолчал. На мгновение в комнате воцарилась тишина.

Чэн Дуань как раз собирался открыть рот, чтобы разрядить обстановку, когда заговорил Цао Е. От ленивой манеры речи не осталось и следа.

— Продюсер Сюй, думаю, у нас с вами небольшое недопонимание. Возможно, мой отец и благоволит Лян Сычжэ, но я тут совершенно ни при чём.

Сюй Аньцяо был ошеломлён серьёзным тоном Цао Е: на его переносице выступил пот, и он молча проклинал себя за невнимательность. Он много лет был в этой индустрии. Начиная с помощника актёра, пробился к должности известного продюсера и привык доверять своему умению читать по лицам людей их настроение. Сюй Аньцяо не ожидал, что его интуиция изменит ему перед этим бесстрашным и беззаботным молодым господином Цао. Он испугался так, что кожа на голове онемела, и уже собирался открыть рот, чтобы всё объяснить и сгладить ситуацию, но неожиданно Цао Е сделал шаг ему навстречу. Он наклонился вперёд, упёрся локтями в бёдра и вернулся к прежней беспечной манере поведения.

— Кроме того, пойдёт ли такая знаменитость, как он, нам навстречу, чтобы заменить персонажа второго плана? Думаешь, он готов потерять лицо?

Сюй Аньцяо торопливо согласился с ним и кивнул. Цао Е перевёл взгляд на сидящего напротив него Цэн Жаня, который всё это время молчал.

— Кого предпочитает режиссёр Цэн?

Цэн Жань был обеспокоен пересъёмками и мыслями был не здесь. Услышав, что Цао Е назвал его имя, он непонимающе поднял голову. Цао Е не давил на него и терпеливо ждал, когда режиссёр заговорит. Он был на предварительном показе «Рокового выбора» и у него сложилось хорошее впечатление о Цэн Жане. Цэн Жань отвлёкся в самый неподходящий момент и не заметил, как на теле Сюй Аньцяо выступил слой холодного пота, который уже успел высохнуть. Он слышал, как они упомянули Лян Сычжэ, но не обратил внимания на содержание их разговора, и теперь ему было неловко признать, что он отвлёкся.

Цао Е просто подумал, что у него на уме есть кто-то, кого он не осмеливается упомянуть и мягко сказал ему, ободряя:

— Если у режиссёра Цэна есть идея, пожалуйста, не стесняйся говорить. Я сделаю всё возможное, чтобы её реализовать.

Потерев кончик носа, Цэн Жань, казалось, немного смутился и, поколебавшись, пробормотал:

— Я бы хотел, чтобы Лян Сычжэ участвовал в пересъёмке — конечно, если он сможет.

Уголок рта Сюй Аньцяо дрогнул. Он тихо подумал, что режиссёр Цэн совсем не умеет чувствовать настроение собеседника. Он опасался, что при упоминании Лян Сычжэ лицо Цао Е станет ещё ужаснее. Но Цао Е неожиданно рассмеялся. Он покачал головой, отсмеялся и снова заговорил тем же поддразнивающим тоном.

— Пригласить Лян Сычжэ на пересъёмку на роль второго плана... Директор сяо Цэн [3], ты по-настоящему самонадеян.

[3] 小 (xiǎo): означает «маленький», «младший». В именах часто используется как уменьшительно-ласкательный суффикс, добавляя оттенок нежности или фамильярности. Также может указывать на младшего по возрасту или статусу человека с данной фамилией.

Лян Сычжэ был актёром, которого бережно хранил в сердце знаменитый режиссёр Цао Сююань. Когда он засмеялся, Цэн Жань последовал его примеру, словно это предложение было

всего лишь шуткой.

Цао Е подвинул к себе пепельницу, затушил сигарету, встал и потянулся.

— Давайте подумаем, нам некуда торопиться. Чэн Дуань, скажи всем, чтобы собрались и выбрали несколько кандидатов.

Чэн Дуань ответил:

— Хорошо.

— На сегодня оставлю этот конференц-зал вам, а мне нужно встретиться с другими инвесторами. Они могут разрыть могилу моих предков, если я не приду. Директор сяо Цэн, ты должен пойти со мной, так как встреча будет посвящена пересъёмке. Ты знаешь об этом больше, чем я.

— О, хорошо.

Цэн Жань тоже встал и вышел вслед за Цао Е.

— Ах да, Чэн Дуань. Когда дело дойдёт до Хуан Цяньши, — Цао Е уже собирался закрыть дверь, но снова заглянул в комнату, — пусть команда юристов будет пожётче с ним. Он должен заплатить столько, сколько нужно, в качестве компенсации. Не надо с ним мягко обращаться.

— Понял, — сказал Чэн Дуань и подтвердил слова жестом, — я знаю, что делать.

Как только Цао Е ушёл, Сюй Аньцяо облегчённо вздохнул и, понизив голос, с любопытством

спросил у Чэн Дуаня:

— Что это было? Я просто покрылся холодным потом от страха.

Чэн Дуань посмотрел на него и улыбнулся.

— Разве не видишь? Ты гладил его против шерсти [4].

[4] 逆鳞 (nìlín) одна чешуйка против роста остальной [под горлом дракона].

逆鳞 касаться чешуйки дракона, растущей против роста остальной чешуи (обр. по трактату 潜龙勿用 Хань Фэй-цзы; в знач.: затрагивать больное место начальства, неосторожно возбуждать ярость начальника).

— Какой ещё шерсти? Молодой президент Цао постоянно смеётся и шутит, никогда не видел его таким.

— Правда? Но у него всего две больные темы: Цао Сююань и Лян Сычжэ. Ты коснулся их обеих.

Сюй Аньцяо внезапно преисполнился любопытства.

— У молодого президента Цао старые счёты с Лян Сычжэ? Они раньше работали вместе?

— Если ты спросишь меня, я не смогу ответить. Насколько знаю, они раньше не работали вместе, что касается их истории, могу только догадываться. Не переживай так сильно, ты же знаешь Цао Е — он скоро всё забудет и не примет близко к сердцу.

Сюй Аньцяо кивнул, услышав слова Чэн Дуаня, слегка расслабился и не стал продолжать разговор.

— Давай сначала займёмся делами.

Чэн Дуань достал телефон.

— Я позвоню нескольким людям, и мы сможем встретиться утром

<http://bllate.org/book/12811/1130208>